

прославленному в Европе издательству, что из всех своих произведений хотел бы оставить миру только «Новую науку».

Несмотря на то что за сравнительно небольшой отрезок времени сочинение Вико выдерживает два переиздания (1730, 1744 гг.)³, представляющие значительные переработки по сравнению с первым, автор почти неизвестен культурной Европе XVIII в., да и для его соотечественников, как отмечает Б. Кроче, «Новая наука» остается «закрытой книгой». Для светской литературы в ее заглавии не заключалось ничего сенсационного, ибо слово «новый» было абсолютно обесценено, так как значилось в заголовках тысяч научных книг, выходявших на протяжении XVI и XVII вв.

Лишь столетие спустя «Новая наука» и ее автор обретают известность. В 20-е годы XIX в. книга переводится на французский, немецкий, а затем и на английский языки. Один из наиболее видных историков французской школы эпохи реставрации, Жюль Мишле, а вслед за ним и представители других историко-философских течений открывают в забытом мыслителе XVIII в. своего достойного предшественника. Хотя приоритет Вико как основоположника философии истории и не встречает единодушного признания («начала» этой области знаний располагаются в довольно широком диапазоне от пророка Даниила до XVIII в.), наука XIX в. не отказывает Вико в оригинальности мысли и смелости взглядов.

Известны слова Маркса, рекомендовавшего Лассалю ознакомиться с сочинением Вико, у которого «содержатся в зародыше Вольф («Гомер»), Нибур («История римских царей»), основы сравнительного языкознания (хотя и в фантастическом виде) и вообще немало проблесков гениальности»⁴.

В отечественной историографии (М. М. Стасюлевич, Н. К. Михайловский, Б. Н. Чичерин, Н. И. Кареев, А. К. Дживилегов, Р. Ю. Виппер и др.) сложился и установился взгляд, по которому начало философии истории, или «социальной динамики» (Михайловский), было положено неаполитанским мыслителем. «Филологическая» часть построений Вико не привлекла внимания специалистов ни у нас, ни на Западе. Наука о языке, только что вышедшая из метафизической стадии (по терминологии О. Конта), была занята разработкой научных методов анализа фактического материала, и, вполне естественно, общие, умозрительные теории языка «донаучного» периода мало интересовали XIX век. Успехи языкознания в разрешении конкретных задач на фоне крайне неточных методов анализа, которыми неизбежно пользовался XVIII в. и которые нередко приводили Вико к наивным этимологиям и фантастическим деривациям, утвердили философов в мнении, перенесенном затем на всю систему лингвистических взглядов Вико, что с этой точки зрения «Новая наука» безнадежно устарела и «потеряла для нас всякое значение»⁵.

Утверждению этого впечатления способствовало также то обстоятельство, что проблема происхождения языка, игравшая значительную роль в философских исследованиях XVIII в. и постоянно привлекавшая внимание Вико в связи с постановкой общих вопросов генезиса и развития человеческой культуры, была объявлена вне компетенции языковедческих дисциплин. «Парижское лингвистическое общество» в своем уставе 1865 г. вообще исключает эту тему из числа подлежащих научному обсуждению⁶.

³ Именно на это посмертное издание 1744 г. в основном ориентированы все последующие переиздания и переводы.

⁴ Маркс К. Ф. Лассалю, 28 апреля 1862 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 30, с. 512.

⁵ Чичерин Б. Н. История политических учений. М., 1872, ч. 2, с. 317.

⁶ Томсен В. История языковедения до конца XIX века. Пер. с датск. М., 1938, с. 50.